

Святослав Логинов

Мемурашки

*Часть сборника
Мёд жизни (сборник)*

Святослав Логинов

Мемурашки

«Автор»

2001

Логинов С. В.

Мемурашки / С. В. Логинов — «Автор», 2001

Время детства – удивительная пора. И иногда, окунаясь в мир детских воспоминаний, видишь, насколько удивителен и порою фантастичен был мир твоего детства. А ведь именно в этом мире формировался наш характер, и мы испытывали те яркие впечатления, которые будут сопровождать нас на протяжении всей жизни...

© Логинов С. В., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Фантастическое допущение	5
Чёрная книга	6
Зайка	7
Выход в свет	8
Изгой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Святослав Логинов

Мемурашки

*Всё самое важное случается с человеком до пяти лет.
Кто-то умный*

Фантастическое допущение (вместо предисловия)

Считаюсь фантастом, а на самом деле – реалист чистейшей воды. Я же не виноват, что жизнь вдвое фантастичнее разлюбой фантастики. Вот и остаётся записывать, что было, да разносить по фантастическим поджанрам. А в остальном в моих мемурашках – правда, ничего кроме правды, почти вся правда. Всю правду – нельзя, и без того слишком много получается фантастики.

Вот пример, самое первое воспоминание: я бегу по коридору, а брат Саша гонится за мной и норовит ухватить за волосы. Волосы у меня невероятно длинные, я чувствую, как они развеваются за спиной метра на полтора. Спаситься при таком раскладе совершенно невозможно, однако стоит Сашке вцепиться мне в кудри, как они становятся невероятно скользкими и невесомо проскальзывают меж жадных пальцев. И я снова бегу.

Одно фантастическое событие нейтрализует другое, создавая некое правдоподобие. В литературе так не допускается. Там царит принцип единственности фантастического допущения.

Чёрная книга (готический роман)

Случилось так, что это событие точно датировано. Надпись на фотографии: четвёртое октября 1953 года. Значит, через пять дней мне исполнится два года ровно. Я сижу в бабушкиной комнате на табуретке, а бабушка говорит, что я уже большой и должен быть как все мальчишки. Что именно я должен – непонятно, но очень не хочется.

И тут бабушка берёт ножницы и срезает самую длинную, в два завитка, прядь волос. Она суёт её в почтовый конверт, а конверт прячет в огромнейшую чёрную книгу. Книга в два обхвата и толстая... я даже не знал, что книги бывают такими толстыми. Кто знает, какие мрачные тайны скрываются в её непроглядной толще. Я так поражён зрелищем небывалого тома, что бросаю всякие мысли о сопротивлении, и бабушка принимается меня стричь. Режет те самые длинные и скользкие волосы...

Должно быть, те же чувства испытывал Самсон, когда был острижен филистимлянами.

Лет пятнадцать спустя я напомнил об этом бабушке, но она не поверила, что я на самом деле помню те события.

– Конечно, я тебя стригла, но об этом тебе, наверное, кто-то рассказал. И вообще, никакой чёрной книги у меня нет.

– А прядь моих волос есть?

– Волосы есть, – бабушка достаёт с этажерки фотоальбом чёрного цвета и вытаскивает из него пожелтевший конверт. Боже, какая она маленькая – страшная колдовская книга! И всей толщины в ней сантиметра четыре – не больше. Неужто все наши зачарованные замки с годами становятся такими крошечными?

Зайка (хорор)

Мне три года. Вечер. Давно пора спать, но вместо этого нас с братом одевают в парадные штанишки и ведут к соседям. Зачем? почему? – неясно. У соседей такая же квартира, что и у нас, но окна выходят не на глухую стену дома напротив, а на Неву.

Взрослые о чём-то разговаривают вполголоса, мы с братом – маемся. Потом соседка снимает с полки книжку и начинает нам читать. Уже первое слово: «Тень» – производит мрачное впечатление. И без того за окном тьма, лишь Петропавловский шпиль блестит, освещённый прожектором. Недобрую книгу читает нам соседка:

– Тень-тень-потетень,
Выше города плетень...

Что такое плетень, я знаю, чать не первый год на свете и в деревне бывал. Но чтобы плетень был выше города?.. Выше моего семиэтажного дома, выше Петропавловского собора? Представляю это циклопическое сооружение, и мне становится неудобно.

– Сели звери под плетень,
Похвалялись целый день.

Конечно, если там, за городом, кишмя кишат звери, наглые, похваляющиеся, – тогда ясно, зачем нужен такой плетень.

– Похвалялся Зайка Нукодогоняйка, – споткнувшись о непроносимую фамилию, соседка откладывает книгу и бросается к окну. А там загрохотало, затрещало, рассыпая искры, запылало красными, зелёными, шафрановыми огнями!

Я опасно подхожу к оставленной книге. Чудовищный Зайка смотрит на меня с листа. Зайка, покрытый какими-то бородавками, одетый в полушубок. Из раскрытой пасти валит дым. И плетень – тот, что выше города! – ужасному Зайке едва по плечо!

– Слава, смотри, какой салют!

«Какой салют? Там Зайка! Наши ещё отстреливаются, но уж если плетень не удержал...»

Сполохи озаряют тёмную комнату.

Тень-тень-потетень.

Выход в свет (утопия)

В неполных три года меня отправляют в детский сад. Ехать туда нужно на автобусе через Неву, мимо красивого памятника Суворову, а потом и мимо музея Суворову. Должно быть, Суворов был самым главным в нашем городе. Впрочем, вряд ли я в самый первый день обратил внимание на эту подробность. В первый день меня больше всего поразили дети. Я и помыслить не смел, что на свете бывает так много таких маленьких детей! Любой из них мог, не пригибая головы, пробежать у меня под мышкой. Дети бегают, смеются, щебечут.

В эту минуту я зримо вспомнил, как летом мама говорила мне, что если помять бабочке крылья, то бабочка умрёт. Всё лето я ловил только шмелей, подолгу носил их в кулаке, слушая недовольное гудение, складывал в кармашек штанов и знать не знал, что шмели умеют кусаться. Я и сейчас знаю об этом только понаслышке.

Маленькие дети в детском саду очень напоминали красивых мотыльков. Мы бегали и играли в прятки, но больше всего я старался не помять им крылышки.

Увы, всякое счастье недолговечно. Вечером, когда за мной пришли, воспитательница сказала маме, что не может принять меня в свою группу, потому что я слишком большой и поубиваю всех детей.

Наверное, она была права, ведь утопии всегда кончаются большой кровью, но всё-таки мне очень жаль того единственного счастливого дня в детском саду.

Изгой (антиутопия)

На следующий день меня привели в среднюю группу. Я и здесь был самым крупным ребёнком, но всем детям уже шёл пятый год, а мне лишь через месяц должно исполниться три. Разница огромная...

Рисуем праздник – у всех шарик, флаги, салют, а у меня дурацкие закоряки. Подождите, я тоже могу красиво, просто ещё не успел и карандаши другие дети расхватили, а мне достался коричневый!.. Нет, все уже кончили рисовать, мой рисунок самый плохой.

Физкультурное занятие: бегаем наперегонки... меня все обгоняют да ещё и смеются. И мячик всегда отнимают, и толкаются... Ненавижу физкультуру, сейчас, почти полвека спустя, ненавижу чистой, негаснущей ненавистью.

Не бил меня только ленивый, хотя мне до сих пор непонятно, какую радость находили мучители в этом процессе. Я не защищался, не давал сдачи, не ревел. Меня было можно просто подойти и бить.

– Дай ты ему в нос, он заплачет и больше не будет лезть! – сердился папа, когда я рассказывал, что Колька Крутилов – мой злой гений – опять поколотил меня.

– Но ведь ему будет больно... – Откуда во мне взялась эта способность к сопереживанию – не знаю.

Но самым невыносимым кошмаром был процесс одевания после тихого часа и перед прогулкой. Это сейчас детишки бегают в сползающих колготках, подставляя незащищённые почки всем ветрам. Нас одевали словно космонавтов перед выходом в открытое пространство. Лифчик, а вернее – пребольшой фланелевый нагрудник с двумя дырками для рук, застёгивающийся на спине на три бельевых пуговицы. Самостоятельно застегнуть это сооружение было совершенно невозможно. На лифчике болталось две, а то и четыре резинки, которыми следовало зацеплять чулки. Трикотажные чулки, длинные и коричневые, постоянно путались, выворачивая пятку на носок. Резинки, которыми чулки пристёгивались к лифчику, разумеется, тоже всегда были перекручены. Штанишки на помочах, которые следовало пустить крест-накрест по спине и прямо по груди, иначе они непременно будут сваливаться. А верхняя одежда? Рейтузы со штрипками, драповая шапка с наушниками, застёгивающимися у подбородка на большую пуговицу. Штрипки обязательно торчали наружу, а шапку я вечно надевал задом наперёд, так что застегнуть её можно было лишь возле носа. Но главный ужас – ботинки. Точная копия многопудовой взрослой обуви, в которой и сейчас ходят по горячим цехам сталевары и литейщики. Шнурки надлежало продеть через четыре дырочки справа и четыре дырочки слева, а потом завязать на двойной бантик. И вот это высокое искусство не давалось мне ни под каким видом.

Пятилетние дети, конечно, умели одеваться самостоятельно, а в три года?.. Группа одета, воспитательница проверяет, хорошо ли затянуты шарфы, бросает мне на прощание: «Одного тебя вся группа ждать не будет. Оденешься – придёшь!» – и я остаюсь в раздевалке один. Правильно, кто я такой, чтобы меня ждать? Я ничего не умею, я самый плохой.

Говорят, счастье – это когда тебя понимают. Брехня! Это беда, катастрофа, беспросветная жуть, когда ты самый плохой, а все вокруг это понимают. Я и сам это понимаю, такого, как я, – не жалко.

Десять, двадцать, сто раз подряд пытаюсь сделать что-то со шнурками. Бесполезно, бантиков не получается. Склонившись над ботинками, наклонив голову, чтобы никто не заметил, молча плачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.